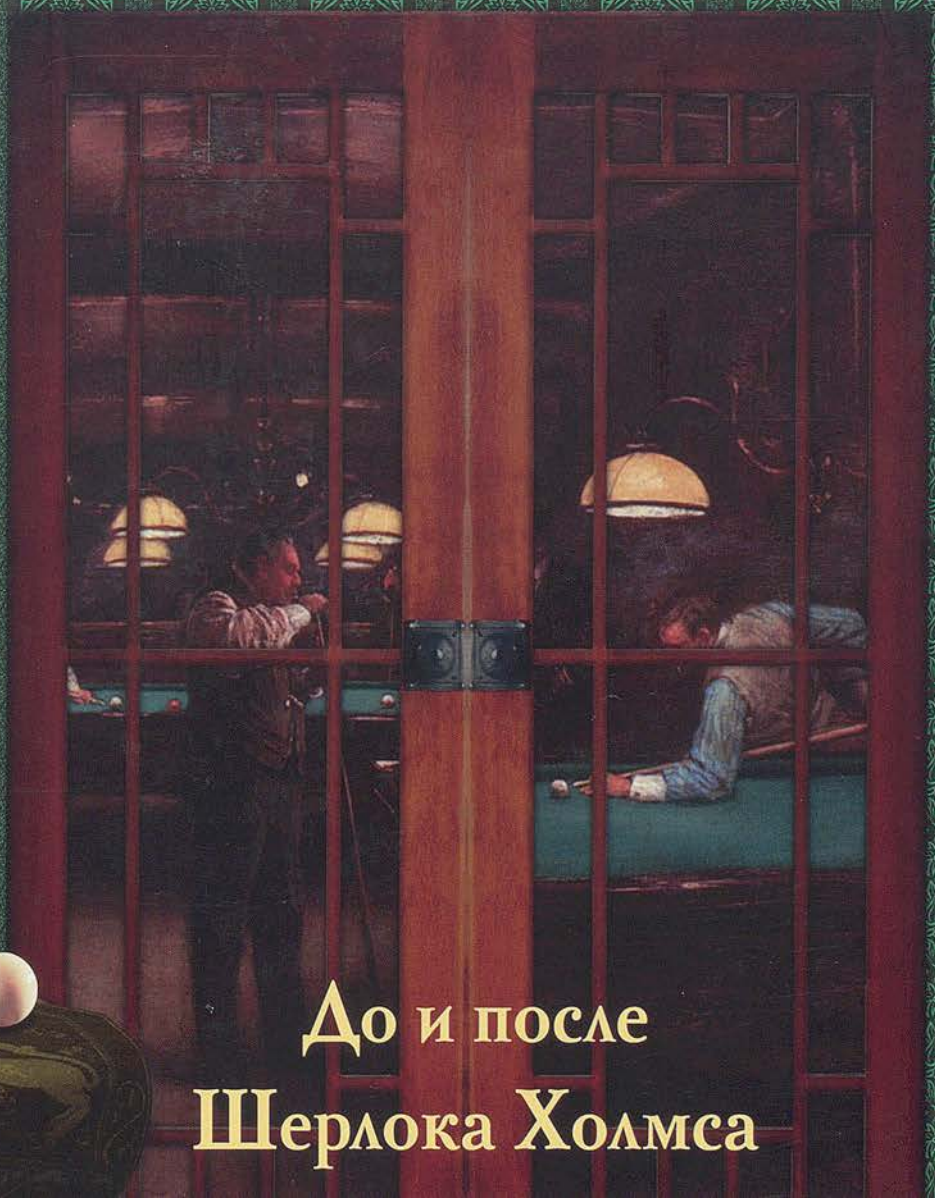

А. КОНАН ДОЙЛ

ТАЙНА
БИЛЬЯРДНОГО
ШАРА

До и после
Шерлока Холмса

А. Конан Дойл
До и после Шерлока Холмса

ТАЙНА БИЛЬЯРДНОГО ШАРА

Впервые опубликованные на русском языке
и малоизвестные рассказы А. Конан Дойла

УДК 821.111
ББК 84.4
К64

Составитель Константин Майевич Калмык

Переводчик Мария Юрьевна Павлова

Окончила переводческий факультет МГПИИЯ им. Мориса Тореза в 1980 г. Член Союза писателей России, Московской писательской организации с 2009 г., член Лиги писателей Евразии, член Союза писателей-переводчиков, дважды лауреат премии журнала ЦК ВЛКСМ «Смена» за лучший перевод года. В 2009 г. награждена «Памятной медалью А.С. Грибоедова». В 2010 г. стала лауреатом премии «Золотое перо Руси».

© Белый город, 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот сборник открывается своеобразной «педагогической поэмой» А. Конан Дойла – повестью «Три счастья» (Three of Them), которая полностью никогда не публиковалась на русском языке. Состоящая из семи рассказов, пять из которых были написаны и опубликованы в 1918 году, а два последних в 1922–1923 годах, она показывает нам автора с необычной стороны. Писатель рассказывает о своих младших детях, об их характерах, привычках и проделках. Сколько любви и фантазии в этих играх, с помощью которых А. Конан Дойл воспитывает своих детей настоящими людьми! Все действие повести происходит на фоне Первой мировой войны, где сражались и погибли родные писателя: брат и старший сын.

Теперь мы переходим к ранним рассказам, опубликованным в периодике в 1885–1900 годах. В первом из них – «Воспоминания капитана Уилки» (The Recollections of Captain Wilkie) – автор рассказывает о встрече в поезде с необычным попутчиком, повествующим о своих старых «подвигах» с нескрываемой ностальгией. Не обошлось здесь и без дедукции; вообще, над этим рассказом довольно зримо витает дух незабвенного Шерлока «нашего» Холмса. Похоже, что это некий выпавший из знаменитой эпопеи увлекательный эпизод о поездке рассеянного доктора Ватсона в Париж.

В следующем рассказе «День из эпохи Регентства» (An Impression of the Regency) мы погружаемся в историю Великобритании времен правления принца Уэльского при его умалишенном отце – короле Георге III. Об этом периоде британской истории у нас известно немного, поскольку она совпала с эпохой Наполеоновских войн.

Дальше следует рассказ «Исповедь» (The Confession) – романтическая история о большой любви и глубоких переживаниях, которые может пробудить голос человека, почти забытого за давностью лет.

Рассказ «Пасторальный ужас» (A Pastoral Horror), опубликованный в конце 1890 года, уже после «Этюда в багровых тонах» и «Знака четырех», рассказывающий о череде страшных преступлений в ти-хой швейцарской деревушке, очень ярко показывает, как не хватало А. Конан Дойлу главного героя-сыщика, который бы и смог расследовать те загадки, которые постоянно ставит перед читателем автор. Видимо, осознав это, уже в конце марта 1891 года писатель начал первую серию рассказов о приключениях Шерлока Холмса.

А еще в феврале того же года был опубликован рассказ «Полночный гость» (Our Midnight Visitor), в котором мы переносимся на один из продуваемых ветрами островов Шотландии, где вместе с героем

пытаемся разгадать тайну странного незнакомца. Примерно там же разворачивается действие рассказа «Рок “Евангелины”» (The Fate of the Evangeline). И хотя он опубликован намного раньше, в 1885 году, чувствуется, что тема моря, кораблекрушений и приключений, а также природы родной для него Шотландии волнует душу автора с раннего детства, когда он зачитывался романами Стивенсона и Дефо.

Теперь обратимся к двум рассказам, история публикаций которых оказалась довольно загадочной.

Первый – это «Трагики» (The Tragedians). Написанный А. Конан Дойлом в начале 1880-х годов, он отсылался им в начале 1882 года в «Blackwood's Magazine» и «British Journal of Photography» под названием «The Actor's Duel» (Дуэль актера), но журналы вернули рассказ автору. И только через два года, в августе 1884 года и уже под названием «The Tragedians», этот рассказ был опубликован в журнале Джона Дикса «Bow Bells» (), подписан инициалами «A.C.D.». Через десять лет, в 1894 году, когда А. Конан Дойл стал уже популярным писателем, Джон Дикс решил издать сборник из двух его рассказов, на которые у него были права. Первым был рассказ «The Winning Shot» (Роковой выстрел). Журнал с текстом этого рассказа Дикс нашел быстро, а вот второй («The Actor's Duel») из-за переименования он найти не смог. И тут в одном из номеров своего журнала он обнаружил рассказ «A Palpable Hit» (Удар всерьез), подписанный инициалами «C.R.V.», в сюжет которого входит сцена актерской дуэли Лаэрта и Гамлета, переходящей из бутафорской в настоящую. Дикс вспоминает, что у Конан Дойла что-то такое было, и под названием «An Actor's Duel» включает этот рассказ в новый сборник (The Winning Shot and An Actor's Duel). Вскоре ошибка была им замечена, но никаких опровержений не последовало. Теперь автор этого рассказа установлен. Им оказался Кэмпбелл Р. Браун (1861–1937), шотландский драматург, писатель и поэт. Российские издатели и переводчики разбираться не стали, и с 1996 года этот рассказ под названием «Дуэль на сцене» издается под именем А. Конан Дойла. Раскопавший эту историю известный исследователь его творчества Ричард Лэнселин Грин издал подлинный рассказ в сборнике «Неизвестный Конан Дойл»; теперь и наш читатель может насладиться этим произведением.

Переходим к рассказу, давшему название сборнику, – «Тайна бильярдного шара» (The Mystery of the Spot Ball). Он был опубликован в журнале «The Student» Эдинбургского университета 29 июня 1893 года и подписан латинской литерой «С.». Формально автор этого рассказа не известен, но обстоятельства указывают на реальную возмож-

ность авторства А. Конан Дойла. Тем более что Р. Л. Грин, который и разыскал эту публикацию, практически в том не сомневался. Его загадочная смерть в 2004 году не позволила представить реальные доказательства.

Рассказ является пародией на истории о Шерлоке Холмсе и докторе Ватсоне, но выгодно отличается от остальных пародий безукоризненным соблюдением канонов жанра. Мы знаем, что А. Конан Дойл был не чужд самопародии, опубликовав позже такие рассказы, как «Благотворительная ярмарка» (The Field Bazaar) и «Как Ватсон учился хитрости» (How Watson Learned the Trick). Причем первый — именно в журнале «The Student» 20 ноября 1896 года. Как известно, автор Шерлока Холмса учился в Эдинбургском университете, и за год до публикации «Тайны бильярдного шара» в их журнале был помещен его портрет и биографическая статья о знаменитом выпускнике университета. Писатель никогда не прерывал связей с университетом, в котором учился. К тому же, в 1893 году А. Конан Дойл готовил уже второй сборник рассказов о Шерлоке Холмсе, и кто, как не он, как говорится, был в теме. Теперь о литере «С.», которой подписался автор этого рассказа. Эта подпись впервые появилась в «The Student» в 1889 году под стихотворением «Лейкоциты» (The Leucocytes). Она также фигурирует под стихотворением «Поединок» (The Duel), опубликованном в номере журнала от 8 февраля 1893 года.

И здесь мы переходим к фактам, найденным автором этого предисловия в ходе подготовки сборника. Как известно, А. Конан Дойл писал стихи и, поскольку был практикующим врачом, мог писать их и на медицинские темы. Тем более что в архивах есть его письмо от 25 марта 1882 года о некоторых способах лечения лейкоцитомии, посланное в журнал «Ланцет». Как врач, он явно интересовался лейкоцитами и болезнями, с ними связанными, и вполне мог написать на эту тему стихотворение.

Остается последний рассказ — «Церковный журнал» (The Parish Magazine). В нем продемонстрированы возможные последствия применения английского юмора на практике. Не зря П.Г. Вудхауз включил его в свою 1024-страничную антологию «Столетие юмора». Если учесть, что это один из последних рассказов А. Конан Дойла, опубликованный сразу после его смерти, то становится очевидным, какая неиссякаемая любовь к жизни в разных ее проявлениях была движущей силой его творчества.

К.М. Калмык

СКАНДАЛ В ПОЛКУ

То давнее происшествие, случившееся в нашем полку, было весьма деликатного свойства. Мне кажется, что те из нас, кто в той или иной мере оказался причастен к нему, вряд ли когда-нибудь об этом забудут, даже если б они того и захотели. Правила общения между офицерами не были столь строгими в отличие от царившей в Третьем драгунском полку железной дисциплины, и коль скоро любой из нас числился на хорошем счету и хотел служить, то личные отношения он мог выстраивать более-менее по своему усмотрению. Но иногда случалось такое, что выводило из себя даже нашего полковника, слывшего заядлым игроком: он приходил в ярость, стоило ему узнать, что на кого-то пало подозрение в жульничестве за карточным столом.

Позвольте кратко описать наших офицеров. Они с той же легкостью относились к десяти заповедям, с какой прошли сквозь кинжальный огонь пушек под Кассасином. Как люди военные, они посылали на смерть других и убивали сами, попирая тем самым заповедь «не убий». Но гораздо выше полузабытых библейских наставлений стоял неписанный кодекс чести. Соблюдался он строго и неукоснительно, и горе тому, кто осмеливался пренебречь им. Все долги, касавшиеся проигрыша в карты или по пари, должны были выплачиваться неза-

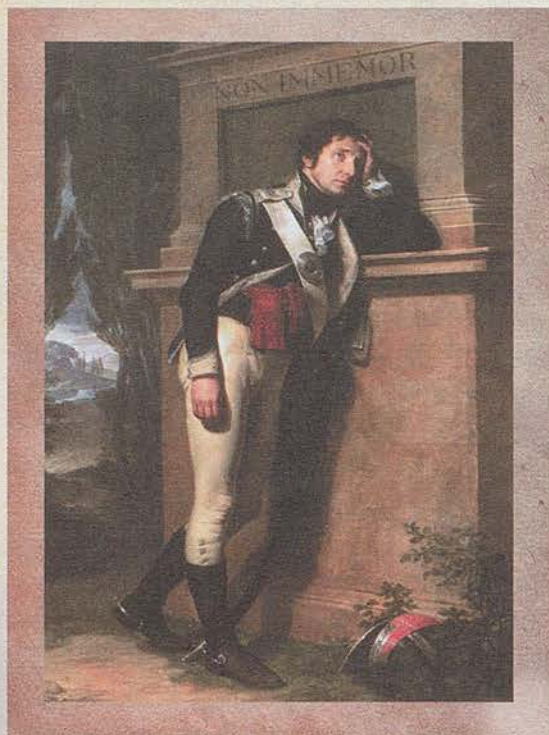

медлительно. Все строго придерживались этого правила.

Но превыше всего стояло джентльменское понятие о честной игре. Эти на первый взгляд простые этические правила способствовали поддержанию дисциплины и порядка куда больше, нежели уставы и уложения.

Если для молодых офицеров кто-то и мог служить воплощением идеального солдата и примером для подражания, так это майор Эрингтон. Он был старше полковника и за свою долгую службу успел дважды побывать военным корреспондентом и даже военным атташе. За это время он получил ранения из «бердана» и «манлихера», которые были куда страшнее индийских «джезелей» или египетских «ремингтонов». Все мы прошли Египетскую и Суданскую кампании, но когда после ужина он частенько начинал предаваться воспоминаниям вроде «помню, как только генерал Гурко пересек Балканские горы» или «ехал я рядом с принцем Фридрихом Карлом Прусским за пару дней до битвы при Гравелоте...», то мы всякий раз чувствовали себя пигмеями по сравнению с ним. Ведь нам оставалось похвастаться лишь плененными африканцами и пуштунами, и мы всей душой жаждали заменить все Министерство иностранных дел комитетом из младших офицеров драгунского полка, дабы Британия проводила более энергичную внешнюю политику.

При всем этом наш старый служака оставался скромным, тактичным и отзывчивым человеком. Это было его единственным недостатком как командира. Он храбро сражался, очень многих превосходя своей доблестью, однако не проявлял строгости и суровости по отношению к подчиненным. Каким бы тяжким ни был проступок представшего перед ним нарушителя устава и как бы грозно и решительно наш майор ни хмурил брови, глаза его лучились такой теплотой и добротой, что даже пьяный дезертир чувствовал, что перед ним не разъяренный начальник, а, скорее, старший брат или отец. Будучи самым богатым человеком в полку и обладая немалым состоянием, майор, тем не менее, жил очень скромно. Кое-кто называл его скрягой, но большинство из нас считало это еще одним проявлением его глубокого

Хью Гамильтон. Портрет офицера

и извиниться, Джонс» или «В сложившихся обстоятельствах ваше поведение вполне оправданно, Холл». Мы всегда следовали его наставлениям, и всякий раз дела решались ко всеобщему удовлетворению. Если бы нам сказали, что все полковые лошади захромали одновременно или что капеллан пригласил на чай старшину, известного безбожника, мы бы удивились куда меньше, чем если бы до нас дошел слух о том, что майор Эррингтон замешан в чем-то постыдном и бесчестном.

Все произошло следующим образом. Начну с того, что наш полковник был прирожденным игроком. Скачки, карты, кости — все равно, главное — азарт. Выигрывал ли он или проигрывал, держал ли пари за или против, но играл он всегда. Все шло хорошо, пока он ставил по шиллингу за очко и по полкроны за роббер в висте, даже когда по мелочи залезал в полковую казну. Но когда он подписался на акции одной американской железнодорожной компании и вложил все свои средства в семипроцентные облигации, продававшиеся по шестьдесят два фунта за штуку, он ввязался в игру,

такта, поскольку он опасался, что, живя на широкую ногу, он невольно заставил бы других почувствовать себя бедняками. Неудивительно, что он сделался самым популярным в полку человеком. Мы, молоденькие лейтенанты, буквально боготворили его, и именно к нему мы шли со своими размолвками, мелкими ссорами и прочими недоразумениями в надежде получить ненавязчивый мудрый совет для их разрешения. Он терпеливо выслушивал нас, сидя в кресле и задумчиво глядя в потолок, покуривая свою манильскую сигару, и потом коротко изрекал нечто вроде «Я считаю, что вам следует взять свои слова обратно

где выигрывает только банк, а маклер сидит близ Уолл-стрита. Было бесполезно убеждать старика в том, что по сравнению с этим «предприятием» рулетка в Монте-Карло — надежнейший способ умножить семейные сбережения. Он упрямо стоял на своем, пока не случилось неизбежное. На железную дорогу наложил лапу какой-то магнат, в конечном итоге выкупивший ее, а наш полковник едва не оказался в суде по делам о несостоятельности. Неделю за неделей он ждал повестки о вызове и подаче документов. Он, разумеется, хранил гробовое молчание, ибо распространяться о своих неудачах ему не позволяла гордость, но по утрам его глаза как-то странно слезились, да и мундир сидел на нем совсем не так щеголевато, как раньше. Мы, конечно, все очень сочувствовали нашему бедняге-командиру, но еще больше мы жалели его дочь Виолетту. Мы все поголовно были влюблены в Виолетту Лоуэлл, так что ее горе стало общим несчастьем нашего полка. Она была не то чтобы красавица, но вся такая светлая, яркая и веселая, словно сама весна, очень добрая, милая и приветливая — словом, для нас она представляла собой идеал женщины. Она принадлежала к такому типу девушек, после знакомства с которыми как-то уже не думаешь, симпатичные они или нет. Знаешь одно — тебе приятно быть с ней рядом, видеть ее счастливое лицо, слышать ее голос. И ты понимаешь, что само ее присутствие делает жизнь веселей и прекрасней. Именно так все мы относились к Виолетте — от старого вояки майора Эррингтона до только что прибывшего молоденького лейтенанта, чей еще ни разу не открытый бритвенный прибор красовался на его туалетном столике. Когда ее милое личико омрачилось из-за финансовых неудач отца, мы все тоже погрустнели и пребывали в мрачном расположении духа, из которого нас не могли вывести даже роскошные обеды в ресторане «Дойд и Гульдерман».

Больше всего эта история с акциями потрясла майора. По-моему, он воспринял все происшедшее куда острее, чем сам полковник, поскольку именно он приложил все силы и использовал всю свою логику и красноречие, чтобы убедить командира не покупать эти проклятые облигации. Они с полковником дружили с незапамятных времен, и майор лучше других знал, что позор банкротства явится для старика смертельным ударом. Но куда больше его заботила дочь нашего командира. Никто из нас не знал, насколько далеко простирались его забота и нежное к ней отношение, поскольку майор слыл замкнутым и немногословным человеком и, как истый англичанин, скрывал свои

чувства так тщательно, словно это были ужасные пороки. И все же, несмотря на все его усилия, нам удалось приподнять завесу, скрывавшую его сердечные тайны, — стоило лишь внимательно проследить за взглядом его серых глаз, чтобы убедиться, что ему очень нравится наша Виолетта.

После ужина полковник удалялся в свои комнаты и приглашал в гости всех желающих. Майор Эррингтон всегда принимал приглашение, и они с полковником пару часов играли в экарте. Остальные же составляли вист на четверых или просто курили и наблюдали за игрой. А посмотреть действительно было на что. Полковник слыл одним из лучших игроков, и оба они показывали высший класс, поскольку делали высокие ставки. Несмотря на грозившее ему банкротство, наш командир, разумеется, горел желанием поставить на карту все.

Но в поведении Эррингтона мы заметили что-то новое и необычное. В свое время он вообще отказывался играть на деньги. Теперь же он смело рисковал при первой же возможности, временами казалось даже, что он провоцирует оппонента повысить ставку. Играл он с видом человека, полностью поглощенного происходившим за карточным столом, поглощенного настолько, что он вольно или невольно совершал ошибки. Он очень сильно волновался и был словно сам не свой. Несколько раз он сыграл уж совсем из рук вон плохо. Но в целом ему продолжало везти, и он выигрывал. Нам было невыносимо больно видеть, как наш старик, только что перенесший тяжелый удар судьбы, беззаботно проигрывает деньги, в которых он так нуждается, самому богатому человеку в полку. Тем не менее майор оставался в наших глазах олицетворением чести, и если он так себя вел, значит, тому была какая-то очень веская причина.

Однако один из младших офицеров позволил себе усомниться в этом. Молодой, невысокого роста лейтенант Петеркин только что прибыл в полк, но уже успел проявить свой острый, пронизательный ум, весьма причудливо сочетающийся с практичностью и сметкой выдавшего виды скакового жучка. Свою первую ставку он сделал в девять лет, в десять — победил в заезде, а в тринадцать стал владельцем скакуна-фаворита, так что к нам он попал столь же пресыщенным и вместе с тем сообразительным и практичным, как и остальные младшие офицеры. Он обладал смелостью, предприимчивостью и веселым характером, так что все мы хорошо с ним ладили, пока он не осмелился высказать первые робкие подозрения в адрес майора.

Произошло это однажды утром в бильярдной, где нас было шестеро — пятеро лейтенантов и капитан Остин. Они с Петеркином гоняли шары, а мы подбадривали их, устроившись по углам. Внезапно Остин с грохотом швырнул кий в угол стола.

— Вы жалкий лжец, Петеркин, — произнес он, не повышая голоса.

Это сразу нас заинтересовало, поскольку мы не слышали начала разговора. Оставив свои «посты», мы с интересом воззрились на них. Петеркин, как ни в чем не бывало, тщательно натирал мелом свой кий.

— Вы еще пожалеете о своих словах, капитан Остин, — невозмутимо ответил он.

— Неужели?

— Да, и вам придется извиниться передо мной.

— И вправду?

— Я прошу вас об одном — нынче вечером самому убедиться в том, о чем я вам рассказал. Завтра все мы соберемся здесь в это же время, и вы выскажете присутствующим здесь господам офицерам свое мнение.

— Они не имеют к этому никакого отношения.

— Прошу меня простить, капитан Остин, но они к этому имеют самое прямое отношение. Несколько минут назад в их присутствии вы нанесли мне оскорбление, и принести мне свои извинения за него вы должны также в их присутствии. Я расскажу им, в чем состоит суть дела, а затем...

— Ни единого слова! — гневно вскричал Остин. — Не смейте повторять эту чудовищную клевету!

— Как вам будет угодно, но в таком случае вам придется принять мои условия.

— Ну, хорошо, я так и сделаю. Вечером я лично прослежу за всеми движениями, и завтра мы встретимся вновь на этом самом месте. Однако осмелюсь предупредить вас, мой юный Петеркин, что когда я сделаю ваши беспочвенные обвинения достоянием гласности, вы и часа не останетесь в нашем полку!

Весь пылая яростью, Остин торжественно удалился из бильярдной, в то время как Петеркин лишь усмехнулся и начал отрабатывать косою удар, никак не отвечая на наши многочисленные вопросы касательно сути дела.

На следующий день в назначенный час мы все собрались в бильярдной. Петеркин не произнес ни слова, лишь в глазах его на

мгновение промелькнул огонек, когда вошел Остин. На лице его царило донельзя удрученное выражение.

— Ну что ж, — произнес он упавшим голосом. — Если бы я не видел этого собственными глазами, я бы никогда в жизни не поверил, что это возможно. Петеркин, я приношу вам свои извинения. Вы оказались правы. Боже мой, подумать только, что офицер нашего полка мог столь низко пасть!

— Это позор, иначе не скажешь, — ответил Петеркин. — Я сам заметил это по чистой случайности.

— И хорошо, что так. Мы обязаны придать это широкой огласке.

— Если дело касается чести кого-либо из господ офицеров, лучше всего было бы сперва узнать мнение майора Эррингтона на этот счет, — предложил Хартридж.

Остин лишь горько рассмеялся.

— Теперь вам уже можно все рассказать, — начал он. — Довольно тайн. Как вам, должно быть, известно, майор Эррингтон играет с полковником в экарте по высоким ставкам. Два вечера подряд он был замечен в том, что прячет карты, дабы усилить свою позицию после каждой сдачи. Свидетелями этому стали сначала Петеркин, а затем я. Да-да, можете возражать что угодно, но я со всей ответственностью заявляю, что видел это собственными глазами. Вы же знаете, что наш полковник весьма близорук. Эррингтон проделывал свои трюки, почти не скрываясь, когда ему казалось, что за ним никто не наблюдает. Я расскажу обо всем этом полковнику, ибо считаю это своим долгом.

— Нам всем надо заглянуть «на огонек» к командиру нынче вечером, — предложил Петеркин, — но не садиться близко к столу, а осторожно наблюдать издали. Шестерых свидетелей будет более чем достаточно.

— Даже шестьдесят очевидцев не заставят меня поверить в это! — горячо воскликнул Хартридж.

Остин пожал плечами.

— Ну, полагаю, что глазам-то своим вы доверяете. В высшей степени неэтично, чтобы несколько лейтенантов выдвигали столь серьезные обвинения в адрес старшего офицера, имеющего за плечами двадцать лет беспорочной службы. Это грубейшее нарушение субординации. Однако мы обязаны предупредить полковника, а дальше он вправе поступить как сочтет лучшим. Все эти игры слишком затянулись, и сегодня им надо положить конец раз и навсегда.

Итак, в тот вечер все мы собрались в гостиной полковника. Карточный столик выдвинули на середину, и партнеры, как обычно, сели за партию в экарте. Мы расположились у камина и внимательно наблюдали за играющими. На лице полковника выступил нездоровый румянец, а его коротко стриженные волосы стояли торчком, что выдавало в нем признаки гнева. Остин также выглядел раздраженным. Нам стало ясно, что он все рассказал полковнику, который воспринял известие, мягко сказать, не слишком благо-склонно.

— Какие нынче ставки? — спросил майор.

— Фунт за партию, как и прежде.

— А как насчет фунта за взятку? — предложил Эррингтон.

— Очень хорошо. Фунт за взятку.

Полковник надел пенсне и смерил своего противника острым вопрошающим взглядом. Майор перемешал колоду и предложил полковнику снять ее перед сдачей.

Первые три партии прошли почти на равных. У майора карты были лучше, но полковник играл тоньше и изощреннее. Перед четвертой партией снова сдавал майор, и когда он положил колоду на стол, он растопырил локти таким образом, что я перестал видеть его руки. Остин легонько ткнул своего соседа локтем, и все мы вытянули шеи. Затем последовал быстрый взмах руки над колодой, и Петеркин едва заметно улыбнулся.

Полковник пошел с вала, и майор побил его дамой. Когда он протянул руку, чтобы принять взятку, полковник вдруг вскочил со стула, изрыгая проклятия.

— Поднимите-ка рукав, сэр! — в ярости вскричал он. — Черт по-бери, у вас же под ним карта!

Майор тоже вскочил на ноги, опрокинув стул. Мы стали потихоньку обступать противников, но ни один из них не обратил на нас ни малейшего внимания. Полковник наклонился вперед и своим пухлым красным пальцем указал на карту, лежавшую на столе рубашкой вверх. Майор стоял спокойно, полностью владея собой, но заметно побледнел.

— Я заметил, что там лежала карта, — произнес он. — Но вы же тем самым не подразумеваете, что...

Полковник с грохотом ударил ладонью по столу.

— Это уже не в первый раз! — рявкнул он.

— Не хотите ли вы сказать, что я добивался выигрыша обманным путем?

— Но я же заметил, как вы скинули карту из колоды, я видел это собственными глазами.

— Я полагал, что за двадцать лет совместной службы вы должны были знать меня куда лучше, нежели мне кажется, — спокойно ответил Эррингтон, — Позвольте заявить, что, принимая во внимание все мной сказанное, вам не следовало бы спешить с необоснованными выводами. Честь имею откланяться, сэр.

Он холодно и церемонно поклонился и вышел из комнаты.

Не успела за ним закрыться дверь, как приоткрылась тяжелая занавесь в дальнем углу гостиной, и мисс Лоуэлл вышла из своего небольшого закутка, где она варила нам кофе. На нас она не обратила ни малейшего внимания, а направилась прямо к отцу.

— Папа, извини, но я все слышала, — сказала она. — Я уверена, что ты его жестоко обидел.

— Я его несколько не обидел. Капитан Остин, вы сами все видели. Думаю, вы меня полностью поддержите.

— Так точно, сэр, я видел все от начала до конца. Я не только заметил, что он взял другую карту, но и запомнил ту, которую он сбросил. Вот она.

Он наклонился и открыл верхнюю карту.

— Вот эту?! — вскричал полковник. — Но это же козырной король!

— Именно так.

— Но кто, находясь в здравом уме, будет сбрасывать такой козырь? Так, а что же он взял взамен?

Полковник перевернул другую карту. Это оказалась восьмерка. Он присвистнул и в недоумении провел рукой по волосам.

— Он остался почти без козырей, — задумчиво произнес он. — Что бы это значило?

— Это могло значить только одно — майор старался проиграть, папа.

— Что же до меня, сэр, то когда я обдумал все происшедшее, то пришел к убеждению, что мисс Лоуэлл совершенно права, — вмешался капитан Остин. — Все это объясняет, почему он предложил высокие ставки, почему он навязал вам такую жесткую игру, и зная, что с таким хорошим раскладом он не может не выиграть, он счел верным сбросить козыри и подменить их. По какой-то странной причине он пытался проиграть.

— Боже правый! — простонал полковник. — Где и как мне найти слова, чтобы извиниться перед ним и поправить положение?

Таким образом, небольшой карточный скандал в Третьем гусарском полку благополучно разрешился. Все произошло именно так, как мы и предполагали. С тех пор, как нашего командира постигла финансовая катастрофа, все помыслы его старого боевого товарища были направлены на то, как бы помочь ему. Убедившись, что напрямую сделать это никак невозможно, майор решил идти окольным путем и прибегнул к помощи ломберного стола. Убедившись в том, что все его старания оказались тщетны оттого, что ему постоянно приходил хороший расклад, майор предпринял неуклюжие попытки оказаться в проигрыше. Как бы то ни было, благодаря ниспосланной свыше кончине американского миллионера акции железнодорожной компании поднялись до восьмидесяти семи фунтов за штуку, так что теперь полковник не нуждается ни в чьей помощи. Майор, разумеется, вскоре простил своего товарища, и в течение некоторого времени надеялся, что примирение поможет ему покорить сердце Виолетты, ибо в полку ей просто не мыслили иной пары. Однако она разрушила всеобщие ожидания и надежды, выйдя замуж за молодого офицера Мадрасского конногвардейского полка. Майор же наш как был холостяком, так, похоже, им и останется.

СОДЕРЖАНИЕ

Три счастья	6
<i>Three of Them. A reminiscence ...</i> , London: John Murray, 1923	
Воспоминания капитана Уилки	64
<i>The Recollections of Captain Wilkie</i> , <i>Chambers's Journal</i> , 19, 26 Jan 1895	
День из эпохи Регентства	80
<i>An Impression of the Regency</i> , <i>Frank Leslie's Popular Monthly</i> , Aug 1900	
Исповедь	90
<i>The Confession</i> , <i>Star</i> , 17 Jan 1898	
Пасторальный ужас	98
<i>A Pastoral Horror</i> , <i>People</i> , 21 Dec 1890	
Полночный гость	118
<i>Our Midnight Visitor</i> , <i>Temple Bar</i> , Feb 1891	
Рок «Евангелины»	144
<i>The Fate of the Evangeline</i> , <i>Boy's Own Paper</i> , Christmas number, Dec 1885	
Скандал в полку	166
<i>A Regimental Scandal</i> , <i>Indianapolis Journal</i> , 14–15 May 1892	
Тайна бильярдного шара	176
<i>The Mystery of the Spot Ball (as by 'C.')</i> , <i>The Student</i> , <i>Edinburgh University</i> , 29 Jun 1893	
Трагики	186
<i>The Tragedians</i> , <i>Bow Bells</i> , 20 Aug 1884	
Церковный журнал	216
<i>The Parish Magazine</i> , <i>The Strand Magazine</i> , Aug 1930	
Выборочная хронологическая библиография русских переводов произведений А. Конан Дойла	226

УДК 821.111
ББК 84.4
К64

Литературная серия «До и после»

А. Конан Дойл

До и после Шерлока Холмса

ТАЙНА БИЛЬЯРДНОГО ШАРА

Составитель Константин Майевич Калмык

Впервые опубликованные на русском языке
и малоизвестные рассказы А. Конан Дойла

Редактор И.А. Маневич
Переводчик М.Ю. Павлова
Компьютерная верстка: А.А. Косолапов
Корректор Н.Н. Сергеева

ООО «Белый город»
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел.: (495) 305-2650, 780-3911
E-mail: belygorod@belygorod.ru

По вопросам приобретения книг по
издательским ценам обращайтесь по адресам:

105264, Москва, ул. Верхняя Первомайская,
д. 49а, корп. 10, стр. 2
Тел.: (495) 780-3911, 780-3912
111399, Москва, ул. Металлургов, д. 56/2
Тел. (495) 304-5464
192019, Санкт-Петербург,
наб. Обводного канала, д. 14
Тел.: (812) 643-0209

400001, Волгоград,
ул. Рабоче-Крестьянская, д. 13
Тел.: (8442) 97-58-89, 93-27-58

Вы можете заказать бесплатный каталог
издательства «Белый город»
по тел.: (495) 304-4338, 780-3911

Полный ассортимент книг
издательства «Белый город» представлен
на сайте: www.belygorod.ru

Отпечатано в ООО «ИПК Парето-Принт»,
г. Тверь, www.pareto-print.ru
Заказ 4107/12.
Тираж 4000 экз.

К64 А. Конан Дойл. До и после Шерлока Холмса. Тайна бильярдного шара. —
М. : Белый город. — 240 с. : 40 ил.

Впервые на русском языке публикуются забытые шедевры Артура Конан Дойла. Сборник включает 11 рассказов, иллюстрированных произведениями викторианской живописи. Полная библиография в приложении подчеркивает уникальность проекта. Изысканное оформление делает сборник прекрасным подарочным изданием.

ISBN 978-5-7793-2343-7

© «Белый город», 2012

А. КОНАН ДОЙЛ

ТАЙНА БИЛЬЯРДНОГО ШАРА

Впервые опубликованные на русском языке
и малоизвестные рассказы А. Конан Дойла
с иллюстрациями викторианской эпохи
и выборочной хронологической библиографией
русских переводов произведений писателя

ISBN 978-5-7793-2343-7

9 785779 323437